

И. А. Ильин

ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

Философия больше, чем жизнь: она есть завершение жизни. Но жизнь первее философии: она есть ее источник и предмет.

Среди людей, чуждых и предмету и заданию, издревле существует распространенное воззрение, согласно которому философия не имеет никакого отношения к “действительной жизни” и, сама по себе, не есть “наука”. Философия — это в лучшем случае “прекраснодушная мечта”; тогда как жизнь и наука суть нечто трезвое: трезвая практическая деятельность и трезвое теоретическое знание. Именно поэтому жизнь нуждается в науке и не нуждается в философии; а наука проверяется жизненной практикой, но вполне может обойтись без философских отвлеченностей.

Философия, думают многие, есть “мечтательное умствование” или “умственное мечтание”: человек, слабый волею, но сильный воображением и праздный умом, бежит от очередных, “больших” запросов жизни и создает мир химерических отвлеченностей. Он утешается этим миром, “верит” в него и замыкается в нем; он пытается “заговорить” себя, обмануть и свой и чужой разум; и по степенно ограждает себя стеною громких слов, туманных настроений, утонченных и непонятных выдумок.

Здесь нет единого, общего всем предмета; нет единого и зрелого научного метода; здесь все субъективно и произвольно, ибо каждый говорит про себя и о своем: каждый твердит о своей “химере”. Ни один не понимает другого; но “все не согласны”: каждый не приемлет чужую химеру, ибо чужая — никому не нужна. Нужна своя: только она есть “истина”, — она, родная выдумка, личный миф, “моя сказка”. В ней излилась, ею закрепилась личная мечта о себе, о мире и о Боге; и отсюда ее чисто личное значение. “Чужая философия” — это чужое излияние; сколько же надо терпения, чтобы слушать подолгу и внимательно чужие излияния? Вот по чему философы не могут спорить друг с другом и не умеют друг друга выслушивать: они подобны, в лучшем случае, сонму дервишей, выкликающих, каждый про себя, никому не понятную молитву никому не известному божеству.

Для чего же все это утонченное препарирование личной мифологии? И как можно преподавать философию? Разве история ее не есть история духовных блужданий и заблуждений? Разве возможно какое-нибудь научно-философское достижение?

Бесспорно: если философия порождает одни “личные химеры”, вненаучные излияния или умственные мечты, то ее нет вовсе и преподавание ее невозможно. Все создания ее порождены игрою ума и таланта; они войдут, может быть, в объеме искусства, и тогда история философии будет поглощена историей литературы.

Однако верно ли это? Верно ли, что философия творит одни “беспредметные химеры”? что самый способ ее творчества делает ее индифферентною истине? что она оторвана от жизни и не нужна ей?

Среди тех, кто занимается философией или говорит от ее лица, есть и в наши дни немало таких, которые виновны в столь неверной репутации, сложившейся у философии и у философов. Так, германская философия последних десятилетий действительно создала немало мертвых отвлеченностей, ненужных для подлинной жизни; а философская культура России не сумела еще побороть в себе ни беспредметного импрессионизма, ни

склонности к увлечению чисто личной, релятивистической химерой. Но разве недостатки осуществления компрометируют самое задание? Разве недуги составляют самую сущность организма? Разве можно заключать от того, что чего-то нет, к тому, что оно не может или не должно быть? Разве чье-нибудь неумение доказывает что-нибудь, кроме того, что неумеющий не умеет? Если отрицать философию по этим соображениям, следует навсегда покончить не только с философствованием, но и с политической деятельностью, с врачеванием, с педагогикой и вообще со всякой другой деятельностью; ибо везде были ошибки, всюду есть неумение, всегда будут неудачи.

Однако, быть может, враги философии допускают, что именно она является несчастным исключением из всех других деятельностей и наук; что именно у философии недуг составляет самую сущность организма; что самое задание ее таит в себе внутренний порок неосуществимости; что здесь есть мнимая проблема, порождающая сплошные гнезда недоразумений. Но это значило бы, что у философии нет и не может быть особого, самостоятельного предмета; что ей недоступен систематический метод; что она никогда не могла доказывать и никогда не сможет доказать своих утверждений; что она пуста и мертва; что у нее нет и не может быть подлинной, творческой связи с жизнью.

Тот, кто взялся бы доказать и доказал бы эти тезисы,— оказал бы великую услугу человечеству: он положил бы раз навсегда конец претензиям и посягательствам философов; он упрочил бы пределы истинной науки; он указал бы философии ее истинный предел и направил бы силы молодых поколений в сторону искусства и религии. И в результате этого подвига философия оказалась бы культурным пережитком наряду с философским камнем и жизненным эликсиром, наряду с *perpetuu.m mobile* и гомункулом.

2

Доныне врагам философии не удалось доказать этих тезисов. Правда, они иногда побеждали там, где доказывали недостаточную методичность того или иного философствования; они всегда бывают правы, когда указывают на расхождения и разногласия между отдельными философскими учениями; они всегда будут иметь основание отвергнуть мертворожденные выдумки философов всюду, где такие выдумки возникнут. Однако все это нисколько не подтверждает их принципиального отрицания философии. Доказывая ее невозможность или несостоятельность, они имеют перед собою творчество, сущность которого скрыта от них, и предмет, доступа к которому они не знают. Их сомнение порождено не опытом или исканием, а непониманием и предвзятостью. Они отрицают то, чего не видели; они объявляют неосуществимым то, чего сами не пытались осуществить. Их рассуждения не восстают из страдания в предмете и не покоятся на подлинном познавательном напряжении; они судят со стороны, лишены запросов, органа, опыта и компетентности. Поэтому соображения их имеют всегда априорный и неубедительный характер; а компетентный ум спокойно созерцает комизм их усилий — доказать невозможность того, что на самом деле уже реально.

Ибо, вопреки их мнению, философия имеет свою научную лабораторию и свои жизненные достижения.

Эта лаборатория доступна далеко не всякому, и многим войти в нее не удастся.. Даже из тех, которые мнят себя философами и имеют соответствующую репутацию, не все служат философии и творят ее. Зато в этой лаборатории живут и работают многие, не знающие о том и не понимающие своего жизненного дела, так, что они удивились бы, узнав об истинном значении своей деятельности. В этой лаборатории накапливается и осмысливается духовный опыт, без которого нет, не было и не будет настоящей

философии; из нее выходят все подлинные философские достижения, научные по своей форме и глубоко жизненные по своему содержанию.

Доказать невозможность таких достижений нельзя потому что они фактически имеются налицо в великом историческом хранилище философии. На протяжении истории философия уже пока зала, что она имеет подлинную, творческую связь с жизнью; каждым серьезным свершением своим она доказывает, что у нее ссти особый, самостоятельный предмет; ее лучшие творцы и вожди выковывали систематический метод и владели им; она по самому существу своему ищет доказательств для каждого своего утверждения и многое уже доказала. Тому, кто не признает философию, приходится отрицать факты или закрывать себе на них глаза; ему предстоит доказывать, что состоявшееся не состоялось, что предстоящего нет, что оно невозможно; для этого он должен обеспечить слепоту и себе и своему слушателю. И потому, если он “победит”, то его “победа” будет свидетельствовать только о его некомпетентности; а это значит, что он совсем не победит.

Напротив, сама история философии есть живое доказательство того, что философия — не бред, не пустословие и не беспредметное блуждание; мало того, что философия есть наука о жизни. Ибо, в самом деле, философия есть систематическое познавательное раскрытие того, что составляет самую глубокую основу жизни Сама жизнь в ее истинном смысле и содержании составляет ее источник и является ее предметом, тогда как форма ее, задание, приемы, категории, итоги — все это делает ее наукой в строгом и подлинном значении. Философия рождается в жизни и от жизни, как ее необходимое и зрелое проявление; не от быта и не от животного существования, но от жизни духа, от его страдания, жажды и созерцания. И, рожденная духом, ищущим знания, она восходит к его зрелой и совершенной форме — к сознательной мысли, с ее ясностью, систематичностью и доказательностью. Философствовать значит — воистину жить и мыслью освещать и преображал сущность подлинной жизни.

Естественно, что философия чужда и недоступна тем, кто не знает или не чувствует различия между бытом и духом, кто исчерпывает свою жизнь бытовыми содержаниями или отдает ее на служение технике быта. Для таких людей “не существует” ни того задания, которое движет философию, ни того измерения, в котором она движется и раскрывается. Быт, слепой для духа, не знает философии и не творит ее; но вправе ли он отрицать ее значение и ее возможность, отправляясь от своей слепоты? Для того чтобы жить философскими содержаниями и, тем более, для того чтобы придавать им форму мысли, человек должен иметь как бы особый орган; или, вернее, душа его должна быть достаточно глубокой для философского предмета, достаточно восприимчивой для философского содержания, достаточно утонченной для философского мышления и достаточно творческой для дела оформления. Каждое из этих свойств, каждая из этих способностей может быть присуща человеку в большей или меньшей степени; и каждая иная комбинация этих сил даст иную творческую индивидуальность. Однако душа, лишенная первой способности, т. е. совсем не живущая на той глубине, на которой впервые открывается наличность философского предмета,— окажется пораженной философской слепотой, а потому и не компетентной в вопросе о бытии, значении и жизненной силе философии.

Для того чтобы судить о философии, надо жить ею; и тот, кто не может или не хочет жить философским предметом, обязан воздерживаться от суждений и о самой философии, и о ее предмете.

Итак, философия, по самому существу своему, не только не чужда жизни, но связана с нею как со своим источником и предметом.

Как бы ни определять философию, она всегда окажется знанием. Но знание не может состояться иначе, как в форме встречи, или схождения, или соединения между объектом и субъектом. Отсутствие объекта делает знание лишенным предметного содержания, т. е. беспредметно-неопределенным, и, в смысле истины, бесплодным состоянием души, т. е. незнанием. Отсутствие субъекта оставит предметное содержание субъективно-неиспытанным, не усмотренным, не помысленным, т. е. непознанным. Но для того чтобы знание состоялось, необходимо, чтобы содержание объекта вступило, так или иначе, в пределы субъекта. Ибо знание есть разновидность обладания, имения; чтобы иметь, надо взять, поять; без взятия, по-ятия, не может быть ни по-нимания, ни по-нятия.

Это значит, что содержание предмета должно состояться, обнаружиться, выступить в душе субъекта. Познающая душа должна предоставить свои силы и средства предмету; это необходимо для того, чтобы принять в себя его содержание, дать ему осуществиться в себе. Предмет должен как бы прозвучать своим содержанием в познающей душе; высказаться в ней; страстись в ней; как бы выжечься в ее ткани; подлинно поприисутствовать в ней так, чтобы душа зажила стихией самого предмета и стала одержимой его содержанием. Только тогда человек может сказать, что он испытал предмет, что он приобрел первую основу всякого знания — предметный опыт.

Вне предметного опыта невозможно никакое знание. Каждый ученый посвящает свои силы именно тому, чтобы приобрести и накопить подлинный предметный опыт. Каждый ученый превращает свою душу в хранилище испытанных содержаний. Именно присутствие их в нем делает его ученым, или, вернее, дает ему возможность научного познания. Человек может быть назван ученым лишь постольку, поскольку он превратил свою душу в среду, систематически одержимую предметом; ибо научное изучение есть, прежде всего, систематическая практика предметной одержимости; этим знание не исчерпывается, но именно в этом его начало и его подлинная основа. Вне мобилизованного предметного опыта никакого знания никогда не было и не будет.

И вот возникает силлогизм: всякое знание есть опытное знание; всякая философия есть знание; следовательно, вся философия есть опытное знание. Неопытная, сверхопытная философия есть недоразумение или легенда. Известно, что философы не раз пытались утвердить свое знание “независимо от опыта”; об “априорном” знании написано немало исследований. И тем не менее безопытной философии никогда не было и не будет. Именно тогда, когда философ думает, что он освободил себя от опыта, он или предвосхитил его и совершил самообман; или освободил себя от известного, специфически определенного опыта и обратился к

другому опыту (например, от чувственного — к нечувственному, от “внешнего” — к “внутреннему”, от созерцающего — к мыслящему); или он освободил себя от восприятия одного предмета, осуществляя восприятие другого; или же уклонился совсем от предметного опыта, удовлетворяясь его беспредметными суррогатами. На самом же деле опыт остается налицо во всех этих случаях; ибо предвосхитить опыт не значит обойтись без него, но значит получить его на неверном, на дурном пути; специфический опыт не перестает быть опытом, а неверный или беспредметный опыт отнюдь не открывает душе сверхопытную сферу.

Необходимо покончить раз навсегда с предрассудком “вне-опытного знания”. Философские учения делятся не на “опытные” и “сверхопытные”, а на такие, которые

сознательно культивируют предметный опыт, и такие, которые этого не делают. Ибо от опыта не освобождает никакая интуиция, никакое “прозрение”, никакая метафизическая спекуляция, никакая рационалистическая дедукция,

То, что обычно называют интуицией или “прозрением”, есть или случайное опытное восприятие предмета, над которым философ не властен, которого он не умеет ни повторить, ни проверить, ни подвергнуть систематическому очищению,— и именно потому беспомощно ссылается на таинственную “интуицию”; или же это есть систематическое, методически руководимое опытное созерцание предмета. В обоих случаях опыт имеется налицо; однако в первом случае философ не владеет им, не организует его, не превращает его в систематически практикуемый опыт, тогда как во втором случае опытное восприятие становится подлинным, систематически применяемым орудием или методом познания. Это значит, что “интуиция” не только не “освобождает” от предметного опыта, но сама есть не что иное, как осуществляемый опыт; и так обстоит дело не только в философии, но и во всяком религиозном откровении, и в нравственном наитии, и в творческом воображении Художника.

Подобно этому от опыта не освобождает никакая метафизическая спекуляция. Во всякой подлинной, глубокой философии “спекуляция” покоится на систематическом созерцании предмета; она питается этим опытным восприятием, почерпает из него свое содержание и проверяет себя его показаниями; так что истинный философ дорожит в своем творчестве отнюдь не игрою мысли и не комбинациями понятий, но именно систематическою интуицией предмета. Бывает и так, что это опытное созерцание прерывается или восполняется чисто мысленным — гипотетическим или дивинаторным — напряжением; но именно такие перерывы и восполнения порождают наиболее субъективный элемент всего учения. Аналитическое или синтетическое придумывание всегда рискует исказить, изуродовать предметную ткань теории, и этот риск слишком часто ведет к глубоким искажениям и ущербам.

Философ до-думывает и при-вдумывает именно там, где он недо-внял предмету, т. е. где его внимание, или, что то же, его пред-

метное “внутри-имание”, не выдержало и изнемогло. Конечно, в этом додумывании он иногда верно предвосхищает возможные показания опыта, к которому он всегда обязан обратиться в дальнейшем; но понятно, что это предвосхищение будет содержательно-верным и ценным лишь постольку, поскольку ранее состоявшийся опыт был действительно предметным.

Напрасно думать, будто возможно спекулятивное знание в смысле неопытного происхождения. С идеей такого знания победоносно боролся еще Кант; и, когда его ближайшие преемники, Фихте, Шеллинг, Гегель, снова вернулись к “метафизике”, то в основе ее лежал уже новый опыт, почерпнутый, из новооткрытой Кантом духовно-творческой сферы в “субъекте”. “Метафизические” выдумки, сложившиеся на основании случайного, непроверенного или, еще хуже, чужого и беспредметного “опыта”,— остаются всегда возможными; но такие построения будут всегда подобны карточным домикам: первое же прикосновение предметной действительности превратит их в развалины.

Наконец, и дедукция невозможна без опыта. Великие философские учения, подобно системе Спинозы, дедуктивны только по форме изложения. Ибо их “верховная идея” уже сосредоточивает в себе результат долгой и систематической интуитивно-опытной практики; она уже таит в себе все испытанное содержание предмета, и, развертываясь,

обнаруживает дедуктивно то, что добыто долгим опытным страданием в предмете. Понятно, что предметная верность всей последующей “дедукции” зависит именно от предметной верности первоначального опыта. В таких учениях опыт до известной степени отрывается от последующего разумного развертывания, но он отнюдь не отсутствует и не смолкает; он не обогащается и не исправляется в процессе дедуктивного построения, и в этом есть известная опасность и дефект; но вся теория покоится на его эксплуатации и, принципиально говоря, не смеет дать более того, что она получила из опыта. Вот почему мыслитель, который созерцательно продумает “определения”, установленные Спинозой в начале “Этики”, усвоит без труда все дальнейшие “теоремы” и никогда не примет “геометрический” способ изложения за подлинный познавательный метод великого “рационалиста”. Настоящая философия понимается не отвлеченной мыслью, но только конгениальным предметным видением.

Понятно, что без опыта не могут обойтись и повседневные “дедуктивные построения” в философии; но в них опыт остается случайным, непроверенным и, часто, дурным и убогим. Это бывает особенно тогда, когда строящий ум сознательно разрешает себе пренебрегать опытом и сочетает дедуктивное тяготение с релятивистической постановкой вопроса: тогда возникают произвольные и беспочвенные комбинации, прикрываемые нередко ссылкой на безысходный “субъективизм” всякой философии. “Можно так построить”, рассуждает беспочвенный комбинатор понятий, “тогда выйдет то-то; а можно иначе,— тогда выйдет другое”. Но как именно необходимо и должно строить, повинаясь предмету,— он не знает и не может знать, потому что опыт его беспредметен и не систематичен. Такие “строители” философских теорий не обходятся совсем без интуитивного опыта; но они не культивируют его предметную основу и довольствуются случайными, мимоходом добытыми данными; они не созерцают, а подглядывают; не испытывают, а похищают; и, подвергая свой скудный материал произвольной и беспринципной перетасовке, они уродуют в корне свои, ни для кого не убедительные, построения.

4

Философское знание есть опытное знание. Что бы ни исследовал философ, он не имеет другого источника; и в этом его положение подобно положению всякого другого ученого. Философская наука, как таковая, покоится на предметном опыте, т. е. на проверенном, верном, адекватном восприятии изучаемого предмета изучающей душой. Без этого восприятия душа философа остается познавательно-бессильной и некомпетентной. Так, сознание, не воспринимающее чистого, безобразного понятия, не в состоянии формулировать законы логики; душа, отвращающаяся от показаний совести, бессильна судить о добре и зле; суждение о красоте и художественности беспредметно и праздно, если орган эстетического восприятия пребывает в бездействии и немощи. Самое обычное, отвлеченное мышление при всей своей “формальности” есть своего рода опыт, и этот опыт нуждается в культуре; именно поэтому так бесплоден спор с некультурным человеком, не привыкшим испытывать неизменную тождественность понятия и принудительность верного силлогизма. Итак, неиспытанное содержание — не познано; неиспытанное содержание — непознаваемо. Такова первая аксиома философской методологии.

Однако это совсем не означает, что всякий опыт есть чувственный опыт, т. е. что он состоит в восприятии вещи телесными “чувствами”. Бесспорно: всякий чувственный опыт

есть опыт: но далеко не всякий опыт есть опыт чувственный. И вот, философия творится именно нечувственным опытом; в этом вторая аксиома философской методологии.

Душа человека может испытывать и фактически, испытывая многое не чувственное. Правда, обычное сознание занято по большей части чувственными восприятиями: оно — то живет непосредственно в наплывающих извне звуках, красках, пространственных образах и ощущениях своего тела, ориентируясь через их посредство в мире вещей и строя по ним свою жизнь; то оно занято тем, что воображает поблекшие тени воспринятых вещей, возрождая их из прошлого и подчас разжигая еще сильнее их яркость. И даже тогда, когда оно имеет дело с нечувственными предметами, она воспринимает их в их чувственном воплощении, подставляя вместо общего — частное и вместо идеи — одноименный образ, осуществляя волевой порыв телодвижением, выражая напряженное чувствование смехом, рыданием, воплем. Даже “отвлеченное” мышление обычного сознания бредет по чувственным образам и схемам; и, двигаясь в лесу понятий, оно опирается на чувственные костыли и спотыкается о чувственные образы.

Тем не менее и оно имеет дело с нечувственными содержаниями. Конечно, сенсуальные образы вещей проникают глубоко в бессознательное человека; они служат ему легким, гибким орудием. То радуя дух созданным совершенством, то угнетая душу загадочными ночными страхами. Но, в то же время, они легко блекнут, тают и исчезают в неопределенности. И именно тогда, когда они становятся совсем неопределенными и неуловимыми, каждый из нас сможет заметить, что дух иногда продолжает жить с интенсивностью, не соответствующей чувственной бессодержательности акта. Дело не сводится к тому, что душа “продолжает волноваться” под воздействием забытых ею, т. е. вытесненных в бессознательное, чувственных содержаний. Здесь можно обойти вопрос о том, сохраняет ли чувственное содержание свою сенсуальную природу после того, как акт вытесняющего забвения отрывает его от ощущающих и воображающих сил души, сберегая его аффективные следы и его травматическое влияние на весь строй души. Можно даже условно принять, что всякий душевный процесс нуждается, в качестве возбудителя или разрядителя, в чувственном раздражении или восприятии. Но даже это условное допущение отнюдь не предвещает еще вопроса о том, исчерпывается ли весь объем души чувственными содержаниями? Если даже допустить, что душа “просыпается” только от сенсуального толчка или воздействия, то остается еще возможность, что этот толчок пробуждает в ней нечувственные акты и, соответственно, нечувственные содержания. Повод не предопределяет еще свойств результата; пробуждающаяся сила может быть инородна возбудителю. Именно этому благодатному восхождению души от чувственного восприятия к нечувственной жизни и был посвящен в древности пафос Платона.

В самом деле, силы души могут быть заполнены нечувственными содержаниями, т. е. такими, которые лишены не только пространственно-материального, но и протяженно-образного характера, и не имеют для себя никакого, не только “адекватного”, но даже “подобного” чувственного коррелата.

Так, самый строй содержаний, открывающихся логически зрелому мышлению, имеет нечувственную природу и являет зрелище, привычное око нечувственной мысли, но невидимое для глаза, взирающего на вещи. Современная логика, в лице Гуссерля, следуя за Больцано, убедительно показала, что человеку доступно, при известной внутренней культуре, безобразное мышление и что именно такому и только такому мышлению открывается строй понятий, во всей его законченности и чистоте. Понятие и вещь, смысл и образ суть предметы различных измерений. Чувственной вещи свойственно непрерывно

меняться; смыслу и понятию свойственно ненарушимое тождество. Различие чувственных содержания и вещей доходит только до противоположности; различие понятий всегда закреплено остротой противоречия. Только нечувственное содержание и нечувственный предмет могут иметь логический “объем” и логическое “содержание”; только им может быть свойственна “родовая—видовая” связь; именно они слагаются в логические “суждения—тезисы”; только при их помощи можно строить силлогизмы, доказывать, познавать и спорить. Примешиваясь к этому строю, чувственные образы отчасти искажают его, отчасти подчиняются ему, но отнюдь не совпадают с ним и не отождествляют своих законов с его законами. Зрелая мысль видит инородность и специфичность этих рядов; незрелая душа блуждает, смешивает и запутывается. И тем не менее всякий человек, поскольку он умозаключает или спорит, имеет дело с нечувственными, логическими содержаниями, как бы беспомощно, сбивчиво и недоуменно он ни обходился с ними. Именно в этом нечувственном виде мыслитель познает истину, ибо истина есть всегда истинный смысл, подлежащий закону тождества и закону внутренней непротиворечивости. Итак, истина имеет нечувственную форму, и путь к ней ведет через восприятие нечувственных содержаний.

Далее, и воле доступны нечувственные содержания. Обращаясь к какому-нибудь содержанию и приемля его, воля делает его целью, т. е. предвосхищаемым предметом своих творческих напряжений. Это предвосхищение и творчество может относиться к вещественно-чувственным явлениям, но может возводить душу и к нечувственным обстоятельствам. Такова, например, воля к истине. Но еще доступнее для обычного сознания воля к добру, также возводящая душу к особым нечувственным содержаниям. Когда добро является искомым, осуществляемым заданием, то душа имеет перед собою проблему объективной ценности своей цели и обуславливает приятие цели именно ее объективную ценностью; она вопрошает о нравственно-наилучшем, совершенном и к нему прилепляет свою волю. Это вовлекает волю в особое ценностное измерение действий и состояний и делает предметом ее особое нечувственное качество, именуемое нравственным совершенством. Нравственное совершенство обретается особым нечувственным органом души, именуемым совестью, и не поддается никакому чувственному восприятию. Совестьный акт, имеющий сложную, эмоционально-познавательную, но прежде всего волевою природу, заставляет человека воспринять нравственное совершенство как живую сверхчувственную силу — сначала в самом себе, а потом и в других людях; и на этом пути душа вовлекается в особое, опытное, но нечувственное созерцание мира и привыкает вращаться среди тех содержаний, нечувственный строй которых может быть ориентирован на чувственных явлениях и образах, но отнюдь не совпадает с ними своим строем и своими категориями. Таково, например, обстояние нравственной правоты, побеждающей в жизни вопреки своему житейскому бессилию. Великие созидатели этики всегда утверждали, что совестьный опыт вводит душу в новый порядок бытия, как бы ни охарактеризовать этот строй как “даймонический” вместе с Сократом, или как “нравственный миропорядок” вместе с Фихте, или как сферу “всеобщей воли” вместе с Гегелем, или как “царство Божие” вослед за Христом.

Добро есть нечувственный предмет; совесть есть живой орган, открывающий к нему доступ. Поэтому всякий человек, поскольку он не стал жертвой исключительной, сатанинской злобы, поскольку он способен видеть нравственно-лучшее и желать его,— имеет дело с нечувственными, этическими содержаниями, как бы беспомощно и сбивчиво он ни обходился с ними.

Подобно этому человеку доступен целый ряд аффектов, посвященных нечувственным содержаниям. Напрасно было бы думать, что аффекты души могут пленяться и

возгораться только от восприятия вещей или их протяженных образов. Если даже обычно страсть человека прилепляется к внешней видимости, то это еще не значит, что ею не руководит в этом смутное искание сверхчувственной сущности. Искусство обнаруживает это искание с несомненной определенностью и силой: ибо то, что вынашивает и осуществляет истинный художник, есть всегда обстояние, несводимое к чувственной видимости его произведения. Художественный аффект, приводящий в движение творческую фантазию, всегда глубже своего чувственного повода; так что предметное содержание эстетического произведения никогда не исчерпывается его чувственно воспринимаемой материей. Истинный художник ищет не “удачного” выражения и не “красивого” сочетания, но красоты: он стремится явить сверхчувственное предметное содержание своего аффекта в виде адекватного, чувственно-единичного образа, “красивость” и “удачность” которого могут быть только порождением сверхчувственного предмета, уловленного в адекватном опыте. Такова природа всего художественного.

Однако жить сверхчувственным содержанием дано не только аффекту, обращенному к красоте, но и аффекту, религиозно обращенному к Богу, этически обращенному к добру и познавательно обращенному к истине. Молитва, умиление, покаяние, мировая скорбь, сомнение и очевидность—вот состояние души, которые доступны всем людям и в которых аффект одержим сверхчувственным содержанием. Историк духовной жизни достаточно указать на молитвенный экстаз брамина, на одухотворенный эрос Сократа, на ту “интеллектуальную любовь к Богу”, о которой говорил Спиноза, и на то поклонение “духом и истиною”, которому учил Христос.

Наконец, самое воображение может быть посвящено нечувственным содержаниям — и в повседневной жизни, поскольку человек воображает душевные состояния своих ближних, и в искусстве, поскольку оно изображает состояние человеческого духа, и в религии, поскольку душа восходит к созерцающему восприятию Божества, и в философии, поскольку воображение покорно следует указаниям безобразной мысли или сверхчувственного воленапряжения.

Все это означает, что старая классическая формула “*nihil est in intellectu, quod non fuerit ante in sensu*”^{*}— неверна; и не только потому, что она принимает генетический повод переживаний за самое содержание возникшего акта, но и потому, что сенсуальность отнюдь не есть черта, свойственная всем содержаниям души и духа. Здесь недостаточна даже оговорка “*nisi intellectus ipse*”^{**}; ибо дело не только в том, что сам познающий интеллект имеет нечувственную природу, но в том, что дух человека может и должен иметь дело с нечувственными содержаниями, через них,— со сверхчувственными предметами.

Духовная же значительность этого опыта говорит сама за себя.

- ^{*}ничего нет в интеллекте, чего бы не было прежде в ощущении. *Ред.*

^{**}кроме самого интеллекта. *Ред.*

5

Значительность этого опыта определяется самой природою его предметов. Философия исследует сущность самой истины, самого добра и самой красоты; она исследует, самую сущность бытия и жизни, вопрошая об их сверхчувственной первооснове; она исследует самый дух человека и природу его основных актов, воспринимающих эти предметы; она исследует право как естественный атрибут человеческого духа. Иными словами, она

исследует божественную природу во всех предметах и, наконец, восходит к познанию самого Божества как единого лона и источника всего, что божественно.

Все эти предметы философия утверждает как сверхчувственные и в то же время как объективно обстоящие; причем недоступность их для телесного восприятия несколько не умаляет их объективности. Сверхчувственный предмет объективен; это значит, во-первых, что он сохраняет свой особый способ обхождения, отличающийся от того способа, который присущ его отражению в человеческой душе (категории предмета не совпадают с категориями одноименного “содержания сознания”); это значит, во-вторых, что он сохраняет свои самобытные черты и качества, в отличие от тех, которые человек приписывает ему по недоразумению (содержание сознания может не совпадать с содержанием предмета); это значит, в-третьих, что он сохраняет свое единство, несмотря на множественность тех субъективных актов, которые направлены к его восприятию, и тех содержаний сознания, которые человек нарекает его именем. Так, понятию свойственно обходить по категории тождества, несмотря на то что философы не раз приписывали ему процессуальность и изменчивость; так праву совсем не присуща черта насильственного принуждения, несмотря на то что юристы не раз приписывали ему эту черту; так Божеству свойственно объективное единство, несмотря на множество субъективных религиозных воззрений и концепций. Добро едино, хотя история создала множество “этических учений”; красота объективна, хотя художники видят ее “субъективно” и осуществляют ее по-своему; и самая жизнь человеческого духа имеет трагическую природу, вопреки всем попыткам изобразить ее как идиллию.

Понятно, что объективность сверхчувственного предмета усматривается не всеми и познается немногими. Исследование его требует особого подхода, особого восприятия, особой культуры воли и внимания; оно возможно только при спецификации душевно-духовного опыта и удается только тому, кто выработал в себе умение внимать сверхчувственному предмету. Исследуя свой предмет, философия начинает с подлинного и реального опыта; она останавливается первоначально на единичном восприятии и добивается в его пределах адекватности, стремясь воспринять предмет так, как он есть на самом деле, т. е. так, как он есть для всех и каждого, т. е. так, как он есть сам по себе и как, следовательно, он должен быть правильно и адекватно воспринят всеми; этим она как бы переселяет содержание предмета в среду испытующей души, чтобы вслед за тем сосредоточить все внимание на усмотрении сущности этого адекватно испытанного содержания, на уловлении ее мыслью и на выражении ее словами.

Все это удастся, конечно, не сразу, не всегда и не при всяких условиях; это требует большого напряжения всех сил души, и притом не только позитивного, но и негативного напряжения, т. е. и в смысле интенсивного участия, и в смысле произвольного задержания той или иной функции. Здесь бывает необходима и своеобразная, утонченная, индуктивно-экспериментальная проверка внутреннего опыта — то скепсис и осторожное, крадущееся вопрошание, то наблюдение за собой, самоанализ и *humor sui* *, то забвение о себе и сосредоточенное погружение в непосредственное переживание предмета.

Но и этого мало. Философ больше, чем всякий другой ученый, должен овладеть силами своего бессознательного, очистить их, придать им гибкость и покорность, сделать их совершенным орудием предметовидения.

В древней философии, и ранее еще, в древних религиях, была выношена уверенность в том, что человеку, ищущему познать подлинную природу высших предметов и ценностей, необходимо осуществлять в постоянной внутренней работе особое очищение ума и души. Человечество долго и мучительно отыскивало верные пути к такому очищению. История

этих исканий полна глубокой значительности: начиная от аскетических упражнений индийских йоги, искавших духовной чистоты через волевое покорение индивидуального тела, она идет к греческим мистериям с их искупительными жертвами, покаянием и символическим восхождением от мрака к свету. Древние народы знали государственно законные обряды, совершавшиеся ради очищения души всякого, ищущего в жизни предметной чистоты. Христианство, сосредоточившее внимание человечества именно на его внутренней жизни, установило посты, учредило исповедальни и очищающие, подъемлющие душу таинства. И когда современная наука, в лице князя С. Н. Трубецкого глубокомысленно связывает историю философии с историей религии и мистерии, то она движется по верному пути: ибо философия с самого начала приняла в себя тот самый предмет, в аффективно-иррациональном переживании которого пребывала религия. Философия, по слову Гегеля, есть культивирование религиозного содержания, но в иной форме — в форме систематического опыта и разумного, очевидного и адекватного, мыслящего познания.

Вот почему еще древние философы унаследовали от религии, вместе с ее предметом, идею очищения души; а история превратила эту идею в глубокую и утонченную традицию. Достаточно вспомнить мистерии пифагорейцев и их деление адептов на “акусматиков” и “математиков”; или учение Гераклита о том, что познание божественного огня доступно только душе, обладающей “сухим блеском”; или требование Парменида об отречении от чувственных восприятий и об обуздании воображения мыслью. Недаром Сократ соединял познание добра с воспитанием души к добру и, повинаясь дельфийскому богу, начинал с “самопознания”; недаром Платон чтит мистерии и учил о том, что философ при жизни умирает для земного мира; недаром Аристотель требовал от философа высшей, дианоэтической добродетели. Это искание живет и в новой философии: достаточно вспомнить медитации Декарта или глубокомысленный трактат Спинозы об “очищении интеллекта”. Фихте прямо высказывает эту связь между знанием философа и его жизненно-духовным опытом: человек выговаривает в философии только то, что он сам творит духом и жизнью; а Гегель дает немало тонких указаний человеку, ищущему подлинного философского созерцания. Наконец, современная наука о душевных болезнях, в лице осторожного и зоркого Зигмунда Фрейда, открывает психоанализ как метод, которым человек может не только исцелить и очистить свое бессознательное, но и сообщить своему духу органическую цельность, чуткость и гибкость.

В жизни философа душа является орудием богопознания. Естественна и необходима забота о здоровье, чистоте и гибкости этого орудия, о его непомятости и свободе. Целостно испытать сверхчувственный предмет — значит сделать свою душу одержимую им. Но для этого душа должна быть способна к произвольному сосредоточению внимания, к непредвзятому подходу, к целостной преданности предмету, к легкой покорности его зовам и откровениям; она должна владеть и бурями своих страстей, и своими жизненными предрассудками, и своими житейскими попечениями. Философ должен выковать себе свободу для того, чтобы наполнить ее силою и славой своего Предмета и на этой силе утвердить энергию своего познания и своего жизненного акта.

Человечество веками вынашивало уверенность в том, что философия есть знание ценнейших предметов в их основной сущности; что это знание требует особого, внутреннего, нечувственного опыта; и что добиваться его адекватности необходимо посредством особого внутреннего труда и жизненного очищения. И человечество не ошибалось в этом. Все люди различны и своеобразны; каждый чувствует, желает, воображает и думает по-своему: и у каждого желания и чувства руководят воображением и поставляют мысли такой опыт и такие содержания, которые, может быть, субъективно

наиболее приемлемы, приятны, а объективно — нередко наиболее неприемлемы. Но при всей этой пестроте субъективных состояний, предмет остается единым объективным и для всех общим. Люди различны; но предмет один и истина одна. Отсюда необходимость приспособления субъективного своеобразия к объективной природе предмета, необходимость адекватного “переселения” предметного содержания в личный опыт. Для того чтобы верно познавать, философ должен жить так, чтобы его предмет становился его собственным жизненным содержанием; он должен жить тем, что познает; так, чтобы его личная жизнь стала жизнью предмета в нем.

Такова основа философии, усмотренная еще пифагорейцами и Гераклитом, выношенная Сократом и Платоном и возрожденная Спинозой, Фихте и Гегелем. Только через признание и соблюдение ее возможны и философия, и история философии.

Философия как наука возможна только тогда, если возможен спор о ее предмете; а спор есть предметное состязание об истине, допускающее с самого начала, что предмет един для двух субъектов, что он общ им, что они могут одинаково воспринять его, одинаково захватить им и тождественно формулировать его объективное содержание.

История философии имеет смысл только тогда, если люди, разобщенные душою, эпохой, культурой и языком, пространством, и временем, имеют дело с единым, общим предметом и могут одинаково переживать его, понимать видение своих предшественников, усваивать его и, благодаря этому, видеть больше, чем виделось ранее; и так накапливать богатство истинного знания.

Философия и история философии покоятся на живом испытании сверхчувственных предметов, и притом важнейших и ценнейших в жизни человечества. В этом основная природа обеих наук; отсюда и возможность их преподавания.

- *самоирония. *Ред.*

6

Все это с очевидностью свидетельствует о том, что философия как наука, основанная на предметном опыте, не только не чужда жизни, но связана с нею глубочайшею и драгоценною связью. Настоящая, большая философия, заслуживающая своего имени и ведущая к действительной мудрости, слагается в предметном переживании и верном познании тех ценностей, через которые самая жизнь человеческая получает свой смысл и свое значение; она исследует то, ради чего человеку и человечеству только и стоит жить на земле; и исследование это требует от исследователя подлинной жизни в предмете.

Именно опыт делает философию наукой и вводит ее в глубину жизни. Ибо наука вообще невозможна вне опыта; она питается опытным переживанием предмета, его систематическим восприятием и созерцанием. Но философ вводится этою практикою именно в те предметные содержания, через которые жизнь человека есть жизнь, а не быт, не прозябание и не пресмыкание. Ибо, на самом деле, жизнь человека есть не игра естественных сил и не беспринципная борьба за существование, но творческий процесс, протекающий пред лицом Божиим и при участии божественных сил, живущих в человеке. Жить — значит сочетать, соединять подлинную ценность с подлинною силою; придавать объективно-ценному природу силы и сообщать силе значение объективной ценности и правоты; иными словами: осуществлять ценность как побеждающую силу и осуществлять силу как духовную ценность. Но именно таково призвание философии, которая исследует все в меру его божественности и тем населяет души людей божественными содержа-

ниями. Вот почему она является настоящим источником великих жизненных убеждений, без которых нет и не может быть достойно? жизни для человека. Ибо нельзя иметь убеждение по приказу; не стоит иметь убеждение по суеверию или из страха; его можно иметь только по самостоятельно испытанной очевидности. И вот философия, приемля в себя предмет религии, имеет задание — открыть каждому доступ к самостоятельному испытанию очевидности в во просах высшего и последнего жизнеопределения. Этим она соблю дает автономию личного духа; но этим она соблюдает и предмет религии, преодолевая всяческий нигилизм, релятивизм и беспринципность. Поэтому предметный опыт философии есть путь, достой ный и человеческого духа, и его божественного предмета.

Итак, в основе философии лежит систематическая практика духовного опыта. Однако этот опыт, ведущий философию, совсем не является достоянием замкнутой коллегии ученых. Напротив, философия, посвящая себя специально этому опыту, может явиться только там, где народ вынашивает или уже выносил зрелый духовный опыт.

Быть ученым, быть философом — есть, конечно, состояние личное, индивидуальное, но иметь науку, иметь философию, религию, искусство, нравственную культуру, государство — есть состояние всенародное, национальное. Духовная культура не есть личное, или групповое, или классовое достояние; в своих истинных достижениях она даже сверхнациональна. Но по своему опытному источнику, по своему творческому ритму и по своему своеобразию — она национальна, а в пределах единой, духовно сопринадлежащей нации она всенародна. Духовная культура народа определяется тем, живет ли он духовным опытом или нет; и если живет, то в лице большинства, или меньшинства, или отдельных, исключительных индивидуумов; и притом, интенсивна ли и предметна эта жизнь или нет. Этим-то состоянием всенародного духовного опыта определяется и судьба национальной философии.

Так, народ, утративший или выродивший свой подлинный и чистый религиозный опыт, будет жить, вместо религии, пустыми суевериями или мертвыми обрядами; слабый в молитве, немощный в богоиспытании, он будет мертвенно-бесплоден и в богопознании: его философия будет иметь скудный и бледный сверхчувственный опыт о Боге, а его философия религии будет нагромождать пустые и мертвые выдумки. Подобно этому, народ, бессильный в созерцании красоты, с незрелым, больным или изуродованным вкусом будет иметь убогое, уродливое, безобразное искусство; лишенный органа к прекрасному, беспомощный в художественном творчестве. он будет не в состоянии ни осмыслить эстетическую функцию души, ни, осветить мыслью глубину эстетического предмета. Народ, не выносивший зрелого правосознания, не создавший сильной и духовно верной государственности, не может иметь подлинной и предметной философии права: она зародится только тогда, когда для него придет эпоха великой борьбы за правосознание и за настоящую государственность. Там, где царят грубые, жестокие нравы, где молчит любовь и дружба, где царит корысть и беспринципность — не расцветает философское учение о добре; ибо знание всегда было и всегда будет зрелым завершением опыта, а нравственный опыт нуждается в национальной лаборатории и возрастает лишь в атмосфере всенародных достижений.

Философ, подобно поэту, художнику и ученому, подобно политику и пророку, питается — сознательно или бессознательно, *vo-lens aut nolens* *, — духовным опытом своего народа. Он имеет родину, т. е. национальную духовную культуру, в которой сложился его индивидуальный дух, с его любимыми и ведущими предметами, содержаниями, с его творческим актом, с его жизненными убеждениями; от этой-то духовной культуры питается — и положительно, и отрицательно — его личный опыт и его личное

познавательное творчество. Личный духовный опыт философа в глубине своей связан происхождением, подобием и взаимодействием с опытом его родного народа; ему удастся выработать этот опыт и мобилизовать его, осуществить и осмыслить его тем легче и тем продуктивнее, чем выше и зрелее духовный опыт его народа. Совсем не случайно, что есть народы, еще не имеющие или уже не имеющие своей национальной философии; напротив, это естественно и понятно. Учение о добре нуждается в том, чтобы нравственность народа выработала себе известный устойчивый уровень не только порока, но и добродетели; и, если этот уровень настолько низок, что совесть, этот орган испытания добра, пребывает в национальном омертвлении и жизненном бездействии, то даже нравственно гениальная натура не сможет подняться до зрелого учения о добре и зле. Подобно этому, философское учение об истине нуждается в том, чтобы научное знание достигло в других отраслях высокого и зрелого уровня: ибо теория познания вырастает только там, где скопился опыт истины, а этот опыт вынашивается не одним философом, а всеми учеными и всеми мыслителями данного народа. Так, сокровищница духовного опыта едина и национальна, и философ, по своему призванию, есть его хранитель, углубитель и истолкователь.

То же самое совершается во всех областях духовной жизни: народ создает своим духовным опытом то содержательное богатство и ту духовную среду, в которой зреет и творит индивидуальный дух героя, художника и пророка; народ сообщает своим философам самый подход к духовному опыту, а философ дает своему народу углубление, очищение и осмысление духовного делания. Жизнь народа слагает ту духовную лабораторию, в которой творит потом его вождь — чувством, волею, воображением, мыслью и деяниями. Отсутствие духовных вождей свидетельствует о временном духовном оскудении нации; и обратно: ибо духовная жизнь народа и его вождей образует некое неразрывное предметное единство. Страдания народа питают мудрость вождя; подвиги вождя просветляют и очищают духовный опыт народа.

Этим решается вопрос о связи между философией и жизнью: ибо жизнь есть страдание, ведущее к мудрости, а философия есть мудрость, рожденная страданием. Иными словами: жизнь, в ее настоящем, углубленном значении, есть вынашивание и осуществление философского опыта, т. е. опыта, посвященного божественному. Философия, в ее первоначальной, опытной стадии, разлита в душах всего народа. Каждый человек, независимо от своего образования и личной одаренности, становится участником национального философского и метафизического дела, поскольку он в жизни своей ищет истинного знания, радуется художественной красоте, вынашивает душевную доброту, совершает подвиг мужества, бескорыстия или самоотвержения, молится Богу добра, растит в себе или в других правосознание и политический смысл, или даже просто борется со своими унижающими дух слабостями. Такой человек по сознанию своему, может быть, еще не является философом, но по духовному опыту своему — он уже философ. В совокупном, всенародном духовном делании нет ни одного усилия, ни одного достижения, которое пропало бы даром: ибо всякое усовершенствование, всякое просветление в человеческой душевной ткани незаметно живет, и размножается, и передается во все стороны, никогда не исчезая бесследно. Здесь драгоценно каждое личное состояние: ибо все поступает в единую национальную сокровищницу духовного опыта. Поэтому можно сказать, что духовный расцвет народа есть расцвет его философии; и обратно: где растет и углубляется настоящая философия, там народ уже накопил прочный духовный опыт и продолжает духовно возрастать, там жизнь его пребывает на достойной высоте, и высота эта измеряется его философией.

Философия рождается в жизни духа и от духовной жизни. Поэтому тот, кто желает творить ее, должен прежде всего начать духовную жизнь; он должен быть духовен. Но духовное

бытие есть такое состояние, в котором душа любит божественные предметы, радуется им и творит их. Поэтому философ должен прежде быть духом и действовать в духе; и только это может дать ему подлинный предметный опыт, энергию мысли и право на знание.

Ибо философия больше, чем жизнь: она есть завершение жизни; а жизнь первее философии: она есть ее источник и предмет.

* волей или неволей. *Ред.*

Проблемы духовной культуры и религиозной философии ". Берлин, 1923. Т. 1. С. 63— 81

На переломе. Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 43-60.